

Диаманда Галас: я занимаюсь музыкой вообще

Коммерсантъ - daily. — 14 НОЯБР. — с. 13. — 1997

10 ноября в московском Театре эстрады состоялся концерт легендарной Диаманды Галас. Вопреки не слишком оптимистичным прогнозам Театр эстрады был почти полон, причем примерно половину аудитории составляли преданные поклонники певицы, а еще по меньшей мере четверть зала ей удалось покорить за 70 минут концерта. Все разошлись, вполне довольные друг другом, — достаточно сказать, что певица, известная своей суровостью на сцене, послала публике воздушный поцелуй. Так что организатор — «ФиЛи Промоушн-Территория» — и информационные спонсоры («Коммерсантъ», «М-Радио», «Программа А») тоже могут быть довольны. После концерта ДИАМАНДА ГАЛАС дала эксклюзивное интервью нашему корреспонденту ДМИТРИЮ УХОВУ.

В На концерте в Москве Диаманда Галас меньше всего соответствовала ассоциирующемуся с ее именем «радикальному имиджу». Никакого — или почти никакого — действия на сцене, движения — не больше, чем нужно в зонах Брехта. Никакой рок-электроники, никаких декораций (напомню, что заговорили о певице сначала в театральных кругах — после выступления на знаменитом фестивале в Авиньоне в 1978 году). С начала 90-х, однако, она гораздо чаще выступает только под собственный фортепианный аккомпанемент с минимумом освещения и всего одним театральным эффектом — кроваво-красным прожектором в двух-трех эпизодах. Московский концерт был именно таким.

На протяжении всей беседы, которая состоялась на следующее утро после концерта, чувствовалось, что выдающаяся певица наслаждается разговорами о проблемах самой серьезной, а не только альтернативной музыки.

— Один американский критик сострил, что самый забавный из всех слухов о вас — это тот, что многие слухи вы создаете сами.

— Да, это правда.

— Тогда давайте пустим еще один. Вы попробовали почти все, что есть в современной музыке, начиная с Limits авангардиста Винко Глобокара и радикального джазиста Джона Зорна до индустриального рока Test Dept и саундтрека копполовского «Дракулы» (как известно, за звуковые эффекты с вашим голосом этот фильм был удостоен «Оскара»). Каким будет ваш следующий шаг?

— Ну, во-первых, это еще не все, что есть в современной музыке. А слух пусть будет такой: я ношусь с идеей спеть Erwartung Арнольда Шенберга. Знаете?

— Да, и не удивляюсь: в сущности, это монодрама 1909 года о том же, о чем ваши 25 Minutes to Go — монолог приговоренного к повешению. Человек отсчитывает минуты перед казнью и уже как бы после нее издает жуткий звук «у-у-у-у»... Ситуация почти та же, что и у Шенберга, — женщина ночью в лесу находит труп возлюбленного. Да и в своем вокальном арсенале вы активно используете шенберговское Sprechstimme — разговорное пение.

— Да, этот период, в том числе и принцип шенберговского музыкального театра, меня очень интересует. Я только что от вас узнала, что в саундтреке «Природожденных убийц» Оливера Стоуна вместе с моим голосом Трент Резнор использует и «Воццека» Берга. Вот что я тоже хотела бы спеть — именно Воццека, мужскую партию из этой оперы, а не женскую. Из музыки начала века я ведь пела и «Свадебку» Игоря Стравинского.

— Значит, как и следовало ожидать, вы знаете о русских плачах не понаслышке. Правда, у Стравинского — плачи свадеб-

ные, а не похоронные. Впрочем, и там и там используются широкие скачки в мелодии, как бы не мотивированные чисто музыкальной формой; эти резкие переходы из грудного регистра в головной идут скорее от традиции восточноевропейских профессиональных плакальщиц, а не от блюза. Хотя, конечно, ваши низкие звуки — такие же, как у негритянских исполнительниц евангелических песнопений «госпел», — Ареты Франклин и Мэхелии Джексон.

— Спасибо за комплимент. И, вы правы, для меня этика и эстетика афроамериканского блюза — что-то очень древнее, что возникло еще до того, как цивилизация разделилась на христианскую и мусульманскую. Мне кажется, что через общий исток этих культур в блюзе можно услышать гораздо больше, чем сегодня используется в поп-музыке.

— Вы имеете в виду все ее виды и жанры?

— Нет, конечно, если не считать поп-музыкой и альтернативные направления, под маркой которых я у вас выступала. Помните, на пресс-конференции меня спросили про Джорджа Майкла? (Майкл, как и Галас, — певец греческого происхождения. — „Ъ“). Я и Джордж Майкл? Мamma mia! Ну что у меня с ним может быть общего? Но никто не спросил меня, кто такие Джон Колтрейн, Орнетт Коулман или Бобби Брэдфорд, у которого я двадцать лет в Лос-Анджелесе училась джазовой импровизации.

— Действительно, унисоны голоса и фортепианных октав напоминали скорее фразировку послевоенного билбола.

— Я рада, что вы заметили это. Я больше слушала Бада Пауэрлла и Дюка Эллингтона, хотя это и старая музыка. А сейчас зачитываюсь автобиографией Аниты О'Дэй (джазовая певица, популярная в 40-е годы. — „Ъ“). И очень жалею, что не было времени изнутри осмотреть этот красивый собор, что реставрируется напротив Театра эстрады.

За пределами сцены Диаманда Галас меньше всего соответствовала своему радикальному имиджу